

РОМАН

ГОЛОВОЛОМКА

Мэтт Рафф
ЗЛЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
P26

Серия «Роман-головоломка»

Matt Ruff
BAD MONKEYS

Печатается с разрешения литературных агентств Melanie Jackson Agency, LLC и Andrew Nurnberg Literary Agency

Перевод с английского: *Мария Акимова*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Рафф, Мэтт

P26 Злые обезьяны / Мэтт Рафф.— Москва: Издательство АСТ, 2018.—317, [2] с.— (Роман-головоломка).

ISBN 978-5-17-102343-0

Джейн Шарлотта арестована за убийство. Она говорит, что работает на секретную организацию, в Департаменте по ликвидации безнадежных лиц, или, как его еще называют, в «Злых Обезьянах», и спасает мир, убивая настоящих злодеев. После такого признания ее отправляют в закрытую психиатрическую клинику, где местному психиатру предстоит определить, безумна ли Джейн. А может, она лжет или ведет какую-то свою игру? Доктор еще не знает, что ему придется столкнуться с самой невероятной преступницей в своей практике, что реальность гораздо страшнее и причудливее, чем он думает, что обыкновенный допрос скоро превратится в жуткую головоломку, а его финал не сможет предсказать никто.

Copyright © 2007 by Matt Ruff
© Мария Акимова, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

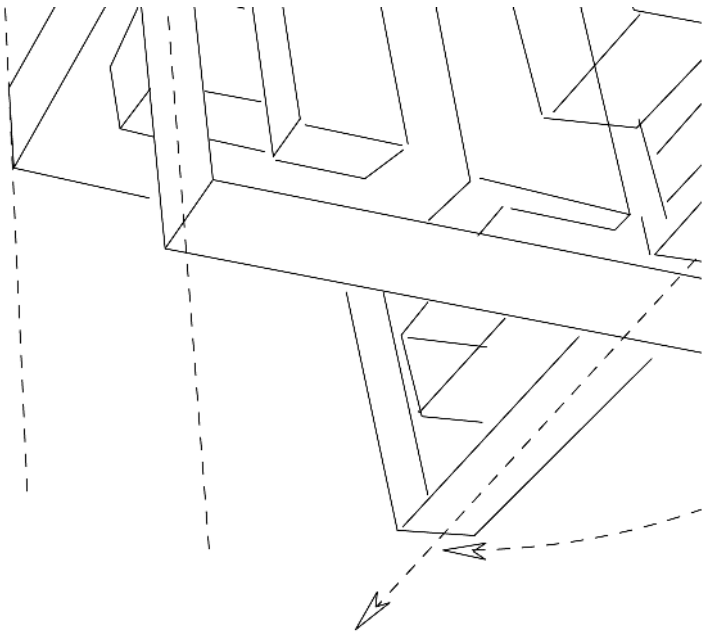
Филу

И сказал Каин своему брату Авелю: Выйдем в поле.

Бытие 4:8

Совесьть: внутренний голос, предупреждающий,
что кто-то, возможно, наблюдает за нами.

Генри Луис Менкен

белая комната (I)

Такую комнату мог бы вообразить драматург, утративший вдохновение: белые стены, белый потолок, белый пол. Нет, она не безлика, но близка к тому, чтобы вызвать подозрения, будто эта скудость имеет решающее значение для предстоящей драмы.

На одном из двух стульев возле прямоугольного белого стола сидит женщина. Ее руки скованы, она одета в оранжевый тюремный комбинезон, чей яркий цвет на фоне белизны выглядит тускло. Над столом висит фотография улыбающегося политика. Время от времени женщина бросает взгляд на фото или на дверь — единственный выход из комнаты, но в основном она смотрит на свои руки и ждет.

Дверь открывается. Входит мужчина в белом халате, с ним немного реквизита: папка с делом и диктофон.

— Привет,— говорит он.— Джейн Шарлотта?

— Я самая,— отвечает она.

— Меня зовут доктор Вэйл.— Он закрывает дверь и подходит к столу.— Я здесь, чтобы побеседовать с вами, если это возможно.

Когда она пожимает плечами, он продолжает:

— Вы знаете, где находитесь?

— Если только они не перевезли комнату...— и следом,— Лас-Вегас, тюрьма Кларк Каунти. Крыло для психов.

— А вы знаете, почему находитесь здесь?

— Я в тюрьме за то, что убила того, кого не должна была,— говорит она как ни в чем не бывало.— Что касается «почему с вами в этой комнате», то, думаю, это как-то связано с тем, что я сказала детективам, которые меня арестовали.

— Да,— он жестом указывает на пустой стул.— Можно мне присесть?

Джейн снова пожимает плечами. Он садится, подносит диктофон к губам и произносит:

— Пятое июня две тысячи второго года, примерно девять сорок пять утра. Доктор Ричард Вейл, беседа с пациенткой Джейн Шарлоттой из... Каков ваш нынешний адрес?

— Я вроде как в процессе переезда.

— ...без определенного адреса.— Он кладет работающий диктофон на стол и открывает папку.— Итак... Вы сказали детективам, что работаете на секретную организацию по борьбе с преступностью, которая называется «Злые Обезьяны».

— Нет,— отвечает она.

— Нет?

— Мы не боремся с преступностью, мы боремся со злом. Есть разница. И «Злые Обезьяны» — название моего подразделения. У самой организации нет названия, по крайней мере, я его никогда не слышала. Просто «Организация».

— А что значит «Злые Обезьяны»?

— Это прозвище,— говорит она.— Они есть у всех подразделений. Официальные названия слишком длинные, их тяжело использовать где-то, кроме фирменных бланков, так что люди придумывают сокращения. Административный отдел официально называется «Департамент по оптимальному использованию ресурсов и персонала», но его просто называют «Затраты-Выгоды». А группа разведки — это «Департамент повсеместного периодического надзора», прозвище — «Паноптикум». А мое подразделение — «Департамент по окончательной ликвидации безнадежных лиц»...

— Безнадежные лица,— доктор улыбается.— Злые обезьяны.

— Точно.

— Хотя стоило бы сказать «Злые Приматы». Когда она не отзывается, доктор начинает объяснять:

— Человеческие существа ближе к крупным приматам, чем...

— Вы копируете Фила,— говорит она.

— Кого?

— Моего младшего брата. Филиппа. Он тоже зануда.— Она пожимает плечами.— Да, полагаю, по хорошему вместо «обезьяны» надо говорить «приматы». И по хорошему,— она поднимает руки и трясет браслетами,— это следует называть запястными манжетами. Но никто их так не зовёт.

— Итак, что конкретно вы делаете в «Злых Обезьянах»? — спрашивает врач.— Наказываете плохих людей?

— Нет. Обычно мы просто их убиваем.

— Убийство — это не наказание?

— Только если вы пытаетесь поквитаться. Но организация таким не занимается. Мы всего лишь стараемся сделать мир лучше.

— Убивая злых людей.

— Не всех. Лишь тех, кто по мнению «Затрат-Выгод» принесет гораздо больше вреда, чем пользы, продолжая дышать.

— И вас не тревожит, что приходится убивать людей?

— Обычно нет. Я же не офицер полиции. В смысле, копам приходится иметь дело с разными людьми.

ми. Бывает, защищая закон, они должны взяться за ребят, которые не так уж и плохи. Я понимаю, тут есть из-за чего испытывать угрызения совести. Но типы, которых преследуют «Злые Обезьяны», не вызывают смешанных чувств.

— А человек, за убийство которого вы были арестованы, мистер...

— Диксон,— подсказывает она.— Он не был злой обезьяной.

— Нет?

— Он был придурком. И мне не нравился. Но он не был злодеем.

— Тогда почему вы его убили?

Она качает головой:

— Я не смогу вам этого объяснить. Даже если бы решила, что вы мне поверите, это не имеет смысла, если не рассказать сперва обо всем остальном. Но история слишком длинная.

— У меня сейчас нет никаких дел.

— Нет, в смысле, история на самом деле длинная. За утро я, наверное, смогла бы дать вам пролог, а чтобы добраться до конца, понадобится несколько дней.

— Вы осознаете, что задержитесь здесь?

— Конечно,— говорит она.— Я убийца. Но это не повод тратить на меня ваше время.

— Вы хотите рассказать свою историю?

— Думаю, какая-то часть меня хочет. В смысле, мне же не обязательно было упоминать при копах о «Злых Обезьянах».

— Что ж, если вы готовы говорить, то я готов слушать.

— Вы просто решите, что я чокнутая. Вы, наверное, уже так решили.

— Я стараюсь не делать поспешных выводов.

— Это не поможет.

— Почему бы нам не начать, а там посмотрим, как пойдет? — предлагает доктор. — Расскажите, как вы впервые связались с организацией. Как долго вы работали на них?

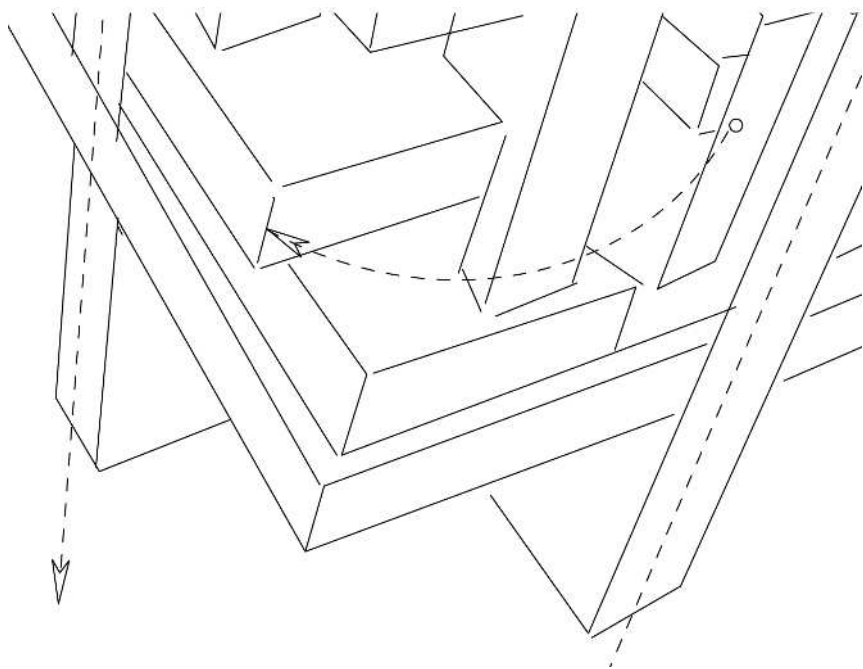
— Около восьми месяцев. Меня завербовали в прошлом году, после того как рухнули башни Всемирного торгового центра. Но все началось задолго до того. Впервые я пересеклась с организацией еще подростком.

— И как это случилось?

— Я впуталась в операцию «Злых Обезьян». Так многих и вербуют: они оказываются не в том месте и не в то время, увязают в операции, и даже если на самом деле не понимают, что происходит, но показывают потенциал, организация берет их на заметку. Позже — спустя дни или годы — появляется вакансия, и «Новая Кровь» наносит им визит.

— Значит, расскажите мне о той операции, в которую вы вмешались.

— Ну, все началось, когда я догадалась, что школьный уборщик был Ангелом Смерти...

Дурное Семя, или Новый взгляд на Нэнси Дрю

— Осень тысяча девятьсот семьдесят девятого. Мне было четырнадцать, и меня отослали жить с дядей и тетей.

— А где вы жили до этого?

— В Сан-Франциско. Хейт-Эшбери¹. Родные пенаты Чарли Мэнсона.

— И почему вас отослали?

— Чтобы меня не убила собственная мать. Весь год мы с ней постоянно ссорились, а к концу лета

¹ *Хейт-Эшбери* — район в Сан-Франциско, штат Калифорния, названный по пересечению улиц Хейт и Эшбери. Знаменит тем, что в прежние времена здесь жили хиппи, музыканты и художники, сейчас это скорее туристическое место, но дух прежней свободы в нем сохранился.

стало совсем плохо. Вы понимаете, в физическом смысле.

— Из-за чего вы ссорились?

— Обычные дела. Мальчики. Наркотики. Я ночи напролет зависала с друзьями. А тут еще и мой брат. Отец сбежал за несколько лет до этого, и, чтобы содержать нас, мама вкалывала по двенадцать часов в день. Она ненавидела свою работу, а мне приходилось присматривать за Филом, чего я терпеть не могла.

— Сколько лет было Филу?

— Десять. Десятилетний умник. То есть он вполне соображал, что не надо пить отбеливатель или поджигать квартиру. Плюс был реально замкнутым пацаном, дайте ему книгу, и он несколько часов просидит тихонько. Это и была одна из причин, почему я не хотела приглядывать за ним: не на что было глядеть. Все равно что быть нянькой для камня. Так что вместо этого чаще всего я вытаскивала Филя из дома, оставляла его где-нибудь, уходила по своим делам, а потом возвращалась и забирала. И если мама оказывалась дома раньше или звонила с работы с проверкой, я просто сочиняла историю, будто бы водила Филя в зоопарк на пятьсот двадцать третьей улице, а он подтверждал, потому что иначе я грозила продать его цыганам.

Это отлично прокатывало какое-то время, но в конце концов моя мать фишку просекла. Один раз я привела Филя домой после девяти вечера, а она знала, что зоопарк так поздно не работает. В другой

раз меня поймали на краже в музыкальном магазине, а когда отпустили, библиотека, в которой я оставила Фила, уже закрывалась. Один из библиотекарей нашел его среди стеллажей и доложил о потерявшемся ребенке.

Вот после этого мы с матерью объявили друг другу войну. Она начала называть меня «дурным семенем» и говорить, что я вся в своего никчемного отца. Теперь-то я ее не виню — на ее месте я тоже нашла бы парочку обидных слов, но в то время я была вся такая: «Алло, я не просила младшего брата и не вызывалась замещать мамулю, а если думаешь, что я дурное семя, то подожди чуток, я тут занята, оправдываю прозвище».

— Вы говорите, что доходило до физической расправы.

— Да. В основном оплеухи и таскание за волосы. И я отлично давала сдачи. Мы с ней были примерно одного роста, так что это было не то чтобы жестокое обращение. Скорее, возня. Хотя у мамы было больше гнева, чем у меня, и она частенько хваталась за оружие: ремни, посуду, все, что было под рукой. И, как я уже говорила, я могла дать сдачи, но перспективы у этого были нездоровыми.

— А что насчет вашего брата? Какие у них были отношения?

— О, она любила Фила. Разумеется. Он же был неприхотливым ребенком.

— Она как-то показывала свою любовь к нему?